

Ракеты и коридоры в ребусе Газы и пакистанском кризисе

«Последние сорок лет я провёл на Среднем Востоке, занимаясь им, и редко когда видел его таким запутанным и взрывоопасным», – заявляет нынешний директор ЦРУ и карьерный дипломат Уильям Бёрнс со страниц *Foreign Affairs*. Происходящее в регионе – следствие кризиса порядка: *«война на Украине положила конец периоду после холодной войны»*, Китай пытается *«перестроить международный порядок»*, средние державы диверсифицируют свои внешние связи, *«сотрудничая одновременно и с США, и с Китаем»*, а война в Газе укрепила иранский режим, *«готовый сражаться, используя на полную своих региональных прокси-акторов»*. Это делает *«переговоры с Тегераном»* крайне важными для обеспечения региональной и израильской безопасности.

По мнению Бурханеттина Дурана, директора базирующегося в Анкаре *мозгового центра SETA*, который очень близок к администрации Реджепа Тайипа Эрдогана, позиция Бёрнса отражает пределы способности США управлять или определять новый региональный порядок.

“Битва сдерживания”

Непрямой конфликт с Тегераном от Красного моря до Ирака и Сирии представляет собой *«битву сдерживания»*, ведущуюся с помощью ракет, ополчений и дронов; в неё оказался вовлечён и Пакистан – ядерная держава, где электоральная эпопея завершилась 8 февраля с парадоксальным и потенциально хаотичным результатом.

По мнению Дурана, амбиции Вашингтона осуществить *«крупную стратегическую перестройку на Среднем Востоке»*, так называемая *«доктрина Байдена»*, изложенная Томасом Фридманом в *New York Times*, недооценивают то обстоятельство, что США *«не могут иметь достаточно сильного присутствия, чтобы создать средневосточный порядок»*; *«интересов России и Китая»* тоже будет недостаточно для установления стабильности. Поэтому он возлагает на плечи региональных держав – Турции, Саудовской Аравии, Египта, Катара и ОАЭ – задачу *«запустить новую инициативу и построить механизмы»*, чтобы остановить столкновения и *«создать новый мирный порядок»*. В остальном Анкара недавно укрепила свои экономические отношения с Тегераном вслед за визитом иранского президента Ибрахима Раиси в январе, поддерживает отношения с Израилем, несмотря на острую пропалестинскую риторику Эрдогана, и продолжает свой курс на разрядку с державами Залива.

“Огненный пояс” Тегерана

Как мы заметили несколько месяцев назад, одним из последствий кризиса в Газе стало утверждение роли региональных неарабских держав вокруг палестинского вопроса и, следовательно, региональных балансов (*“Дипломатия региональных держав в войне в Газе” // Пролетарский интернационализм. № 111. Декабрь 2023 г.*). На четвёртый месяц конфликта число жертв достигло почти 30 тыс., однако израильское правительство не намерено останавливать военные операции в секторе Газа, несмотря на давление Вашингтона, в том числе из-за внутренних противоречий в Тель-Авиве. При этом многие эксперты отмечают, что от ситуации выиграет Тегеран.

Как утверждает, опять же со страниц *Foreign Affairs*, директор иранской программы International Crisis Group (ICG) Али Ваэс, война в Газе позволила Ирану получить очевидные преимущества: *«Она отложила, и это в лучшем случае, дипломатическую нормализацию»* между Эр-Риядом и Тель-Авивом, *«которая угрожала ему очередной изоляцией»* после дипломатического сближения с Саудовской Аравией, а также продемонстрировала *«полноту и эффективность»* Оси сопротивления. Главный архитектор этой оси генерал Пасдарана Касем Сулеймани, убитый американским дроном в Багдаде в 2020 году, называл её иранским *«огненным поясом»* вокруг Израиля. Это инструмент влияния Тегерана и в то же время его *«передовое сдерживание»*, защищающее территорию страны, в особенности ядерные объекты.

Тем не менее, утверждает Ваэс, иранское руководство преследует линию *«стратегического терпения»*: оно хочет избежать какого бы то ни было прямого конфликта с Вашингтоном и, по сути, не готово *«пожертвовать Хезболлой»* или своей региональной сетью, *«чтобы*

спассти ХАМАС». Атака 7 октября застала его врасплох, заморозив попытки возможной разрядки с Вашингтоном, начатые в 2021 году. Таким образом, Иран действует как «неуверенный и защищающийся игрок». Вашингтон в попытке сдержать Израиль, не позволяя ему осуществить превентивный удар по Ливану против Хезболлы, вынужден осуществлять сдерживание своими силами, собирая силы в Восточном Средиземноморье и производя интервенции в Йемене и Ираке. Тегеран, пусть и обладает внушительным и всё более технологичным ракетным арсеналом и способностью зажигать очаги кризисов в регионе, осознаёт свою относительную военную слабость и принимает во внимание внутренние социальные трения, проявляющиеся в столкновении политических течений. А скоро выборы в меджлис.

Политическое сдерживание и “just in time”

Ваэс предупреждает, что Иран очень близок к «условиям прорыва», как это называют специалисты по ядерному распространению, то есть к обладанию пятью действующими ядерными боеголовками мощностью около 10–20 килотонн, размещёнными на баллистических ракетах средней дальности (2.500 км), разработанных на основе северокорейских моделей. Другие американские источники в 2021 году писали, что Тегеран находится в положении «just in time», то есть готов собрать свой арсенал в случае необходимости. Прежде всего речь идёт о «политическом оружии», уточняет Ваэс, которое Тегеран может применить, если посчитает, что американское сдерживание превзойдёт определённый уровень.

В марте 2023 года глава Объединённого комитета начальников штабов США Марк Милли заявил Конгрессу, что политика Вашингтона по-прежнему заключается в том, чтобы Иран не обладал «развёрнутым ядерным оружием». Это формула, которая позволяет предположить терпимость Америки к Ирану, обладающему ядерным оружием *де-факто*, но не *де-юре*. Это то же условие, которое было одобрено для Израиля, – «арсенал в подвале», который может быть использован только в качестве последнего стратегического средства в случае экзистенциальной угрозы еврейскому государству.

“Доктрина Байдена” между Тегераном, Эр-Риядом и Газой

Это условие, которое может быть применено в будущем к соглашениям с Саудовской Аравией – одной из «трёх платформ» «доктрины Байдена», о которой говорит Фридман. Два других – это противодействие иранскому региональному влиянию и нормализация отношений между Эр-Риядом и Тель-Авивом при условии официальной приверженности Израиля решению о двух государствах. Обширная повестка дня. Предлагаемая американцами связь между палестинским государством и нормализацией отношений с Эр-Риядом представляет собой как кнут, так и пряник, используемые для формирования позиции Израиля, но это также один из самых сложных фрагментов средневосточной головоломки.

Как комментирует дипломатический корреспондент *Le Figaro* Изабель Ласер, «похороненная после крушения соглашений в Осло в 1993 году» гипотеза о двух государствах оказалась «эксгумирована» кризисом в Газе с палестино-израильским конфликтом, ошибочно расценённым как «полузамороженный». Правительство Биньямина Нетаньяху не в восторге от этой гипотезы и, чтобы предотвратить её реализацию, содействовало «колонизации Западного берега реки Иордан», который превратился в «сыр» с присутствием 450 тыс. поселенцев. Как считает бывший посол Израиля во Франции Эли Барнави, конфликт в Газе «расширяет раскол между Западом и Глобальным Югом». Это позволяет ревизионистским державам – «Китаю, России и Ирану» – «выйти в дамки, используя американскую пешку в регионе» в лице Израиля, в то время как Вашингтон испытывает сложности в «создании региональной коалиции». Однако вариант создания двух государств лучше, чем другие альтернативы: «апартеид» в отношении палестинцев, в том числе 20 % израильских арабов, или «гражданская война» внутри еврейского государства.

Ракеты, коридоры и урны

Для проведения региональной реорганизации, согласно задумке Штатов, нужно также разыграть карту китайско-индийского соперничества. На сентябрьском саммите Большой

двадцатки в Нью-Дели Байден поддержал проект экономического коридора Индия – Средний Восток – Европа (ИМЕС) как элемент Соглашений Авраама, расширенных на Саудовскую Аравию: «это хлопковый коридор», конкурирующий с «шёлковыми путями» Пекина. Индия уже сегодня имеет присутствие в порте Хайфа (Израиль) в лице группы Adani, но в то же время Израиль заинтересован и в китайских капиталах.

По словам замдиректора парижского Фонда стратегических исследований (FRS) Брюно Тертре, при помощи своей многовекторной политики и соперничества с Пекином Нью-Дели надеется воспользоваться китайским экономическим восхождением, чтобы найти пространство и для себя. Одновременно он готов к большему сближению с Вашингтоном вокруг Юго-Восточной Азии, чтобы получить взамен «возросшее влияние» в Персидском заливе и на Среднем Востоке, которые ревниво «охраняет» CENTCOM (Центральное командование ВС США). Здесь проекция Пекина проходит через «стратегический треугольник», установившийся с 1980-х годов, в лице Китая, Саудовской Аравии и Пакистана (*“La guerre des mondes”*, 2023), а также, как можно добавить, через связи с Ираном. Обмен ракетами между Ираном и Пакистаном 16–18 января произошёл в приграничном Белуджистане – области, разделённой в 1947 году между Ираном, Афганистаном и Пакистаном и с 1970-х годов являющейся ареной трений вокруг ирредентизма белуджей – персоязычного населения, исповедующего суннитский ислам и борющегося против обоих правительств в Исламабаде и Тегеране. С иранской стороны военные действия были направлены на то, чтобы нанести удар по тем, кто предположительно несёт ответственность за кровавый теракт в Кермане 3 января, но также были восприняты как сигнал по всем направлениям.

По мнению лондонского IISS (Международный институт стратегических исследований), «выверенные» ответные действия Пакистана, в свою очередь, являются «непрямым посланием Индии»: Исламабад подозревает Нью-Дели в поощрении белуджского ирредентизма, чтобы помешать Китайско-пакистанскому экономическому коридору (СРЕС) – проекту, в центре которого находится порт Гвадар в пакистанском Белуджистане. По мнению Чжао Минхао из Института Чархар, Индия рассматривает СРЕС как часть стратегического окружения, осуществляемого Драконом. Как бы то ни было, китайское экономическое проникновение «меняет внутренний баланс между различными этническими, религиозными группами и местными силами»: одним из примеров может служить как раз порт Гвадар, который меняет отношения между провинцией Белуджистан и Пенджабом – основой пакистанского государства (*“One Belt, One Road”*, 2020). Индийская контрмера, по мнению сингапурской газеты *Straits Times*, заключается в поддержке развития порта Чабахар в иранском Белуджистане как «потенциального конкурента порта Гвадар».

Канун выборов, безусловно, повлиял на решения Исламабада, который переживает политический кризис, начавшийся весной прошлого года с отстранением от власти и арестом популистского премьера Имрана Хана, обвинённого в коррупции. Операция была организована вооружёнными силами – историческим арбитром власти в стране. Партия Хана «Движение за справедливость» получила относительное парламентское большинство – около 100 депутатов из 265. Генералы в Равалпинди, где находится штаб-квартира генерального штаба, могут разыграть карту коалиционного правительства, но получить проблему легитимности. По мнению крупных пакистанских газет, в стране с населением 244 млн человек и средним возрастом 20 лет было бы разумнее сделать выбор в пользу «национального примирения», чтобы «протестное голосование» не переросло во «враждебность государству». В условиях переплетения кризисов порядка крупный кризис в такой ядерной державе, как Пакистан, может иметь широкие последствия.

Февраль 2024 г.